

Сказав это, он ни на миг не усомнился, что прославленный дурной славой Бес-меченосец и в самом деле заслуживает подобного отношения. Напротив, он словно пытался переложить всю вину на плечи своего трусливого ученика. Заметив, что рука наставника потянулась к поясу — жест, до боли знакомый, ведь каждый раз, собираясь кого-то убить, Шэнь Чжи тянулся именно за мечом, — он в ужасе воскликнул:

— Учитель! Если убьете меня, то больше никогда не увидите свою дочь!

Шэнь Чжи замер, нахмурился и, чеканя каждое слово, переспросил:

— Мою... дочь?

— Да! Десять лет назад, перед тем как уйти, вы доверили мне ее воспитание. Неужели забыли? — в конце фразы его голос дрогнул. Он понял: Шэнь Чжи действительно забыл.

Шэнь Чжи некоторое время пристально смотрел на него, а затем холодно бросил:

— Бред. У меня нет дочери.

— Есть! — отчаянно закричал ученик. — Ей уже шестнадцать, ее зовут А-Ци! Разве не вы, когда отдавали мне ее, пригрозили, что, если я буду плохо о ней заботиться, вы даже с того света вернетесь и станете злым духом, чтобы свести со мной счеты? Я днями и ночами трясся над этой маленькой госпожой! Учитель, да как вы... да как вы могли это забыть?!

Шэнь Чжи ответил:

— Ты поистине глуп, Цинь Цзыцзин.

Тот давно привык к оскорблениям и не обиделся, лишь пробормотал себе под нос:

— Учитель, все эти годы я мотался с А-Ци по свету, относился к ней как к родной сестренке. Но однажды оплошал, и ее душу повредил демон-личинка. Эта тварь заставила меня ловить для него живые души, угрожая поглотить А-Ци... Вот почему я... Но я никого не убил, я забирал лишь малую часть их душ.

Шэнь Чжи усмехнулся:

— Зачем ты мне это рассказываешь? Надеешься, что я похвалю тебя? За что? За мягкосердечность?

Цинь Цзыцзин опешил. Шэнь Чжи, которому надоело смотреть на его ошеломленную физиономию, махнул рукой в его сторону. Ученик невольно зажмурился, ожидая, что сейчас стены обгалятся его кровью, но боли не последовало. Он медленно открыл глаза и услышал слова наставника:

— Я снял с тебя заклятие оков. Веди меня к этой... А-как-ее-там.

Цинь Цзыцзин поднялся, разминая затекшие ноги:

— А-Ци.

— Мне плевать, как ее зовут. Идем или нет? — бросил на него взгляд Шэнь Чжи.

— Идем! Конечно, идем! — закивал он.

Он молча сел на хвост Шэнь Чжи, но, пройдя так некоторое время, все же не выдержал:

— Учитель, а те даосы из секты Шань И Чэн...

— Спят, — равнодушно отрезал Шэнь Чжи.

— ...Понятно.

Раз они спят так крепко, значит, Шэнь Чжи что-то с ними сотворил. Подумав об этом, ученик решил больше не задавать лишних вопросов. Выйдя из чайной, словно из пустого дома, он посмотрел на белые, как снег, одежды Шэнь Чжи, подсвеченные тусклым лунным светом, и лишь тогда поверил, что его учитель действительно вернулся с того света.

Шэнь Чжи остановился и после долгого молчания озадаченно спросил:

— А как я умер?

— Э-э... ученик и сам не знает, — испуганно пробормотал Цинь Цзыцзин.

— Даже ты не знаешь?

— Да, не знаю, — он низко опустил голову, боясь встретиться с ним взглядом. — Я помню лишь, как вы передали мне А-Ци и сказали, что идете на встречу со старым знакомым. Больше вы не возвращались. А все даосы из Шань И Чэн твердили, что вы мертвы.

— Понятно. Значит, это ты меня похоронил? — снова спросил Шэнь Чжи.

— Да, — он кивнул, но вдруг сообразил, что к чему, и поспешил оправдаться: — Я похоронил вас в Пустынном кургане, потому что...

— Не хотел, чтобы те люди нашли меня и развеяли мой прах? — Шэнь Чжи опустил глаза, его ресницы отбрасывали на веки длинную тень, казалось, ему было совершенно все равно.

Ученик подумал: Нет, на самом деле я хотел закопать тебя подальше, чтобы ты не смог вернуться и найти меня. Но в лицо Шэнь Чжи он этого, конечно, не сказал.

— А та деревянная табличка с надписью... тоже твоих рук дело?

— А? — Цинь Цзыцзин заикнулся. — Какая... какая еще табличка?

Шэнь Чжи посмотрел на него и решил не объяснять:

— Ладно, раз не ты, так чего стоишь? Иди вперед, показывай дорогу.

Цинь Цзыцзин поспешил вперед, но плечи его так и остались ссутуленными. Шэнь Чжи прокручивал в голове его слова, но они звучали для него как чужая история, не оставляя в душе никакого следа. Они шли почти пол-ночи, когда Цинь Цзыцзин вдруг почувствовал, что что-то не так. Утирая пот со лба, он обернулся:

— Учитель, давайте... давайте лучше полетим на мечях... до места еще далеко.

Шэнь Чжи холодно взглянул на него:

— Меча нет.

— ...А?

— Мой меч пропал. Ты, когда обихаживал мое тело, не видел его?

— Нет. Боюсь, что... — скорее всего, его забрали как трофей те, кто практикует бессмертие, подумал он. Но раз он догадался, то и Шэнь Чжи наверняка это понимает, так что говорить вслух не стоило.

Шэнь Чжи лишь коротко хмыкнул.

— Кхм-кхм, — поспешил подлизаться Цинь Цзыцзин. — Учитель, не стоит печалиться, меч всегда можно найти новый.

— Моя «Многогранная страсть» — не обычная железка, — голос Шэнь Чжи стал тише, это было просто утверждение, без капли насмешки.

«Многогранная страсть». Услышав это название, он невольно вздрогнул. Какая ирония: самый бесчувственный человек назвал свой меч именем столь возвышенного чувства.

Они прошли еще несколько часов и на рассвете остановились перед хижинкой на окраине города Мочжоу. Как только они подошли к двери, ученик зашел, ворвался внутрь, совершенно забыв про идущего следом наставника. Шэнь Чжи, на удивление, не рассердился. Хижина была крайне убогой, даже двери не было — лишь соломенная циновка, закрывающая вход от ветра. В его сердце что-то дрогнуло, он приподнял циновку и вошел.

Цинь Цзыцзин стоял на коленях перед кроватью, сжимая в своих руках другую, бледную и тонкую ладонь. Шэнь Чжи подошел ближе и увидел спящую девушку. Ее лицо, как и рука, было бескровным, но черты — тонкими и красивыми. Она свернулась калачиком в углу кровати, как уставшая домашняя кошка. Шэнь Чжи внезапно показалось, что он ее где-то видел. Лицо действительно было знакомым, но вместе с этим образом на него нахлынули туманные воспоминания.

Он вспомнил: в одной руке он держит меч, другой ведет маленькую девочку, его лицо и клинок залиты кровью. Он стоял перед этим самым человеком и толкал к нему девочку, требуя хорошо о ней заботиться. И этот дурак еще осмелился спросить: «Учитель, кто она?»

Десять лет назад он ответил небрежно: «Моя дочь».

— Моя дочь? — невольно повторил Шэнь Чжи.

Услышав это, Цинь Цзыцзин обернулся, его глаза вспыхнули:

— Учитель, вы вспомнили?

Шэнь Чжи лениво покачал головой. Он чувствовал, что не должен был иметь детей. Почему — он не знал, просто это было глубокое внутреннее убеждение. Бес-меченосец, который искренне любит кого-то и имеет дочь? О таком даже помыслить было невозможно.

Так зачем же он тогда попросил позаботиться о совершенно чужой девочке?

Наверное, он был сумасшедшим.

Признать, что он сошел с ума, было куда легче, чем признать наличие дочери.

Видя, что он качает головой, Цинь Цзыцзин поник, словно прибитый морозом баклажан. Шэнь Чжи помолчал, а затем спросил:

— В пути забыл спросить: что я натворил десять лет назад?

— А? — Цинь Цзыцзин поднял на него растерянный взгляд.

Быть глупым учеником — большая беда: на любой вопрос приходится сначала объяснять все с самого начала.

— В моих воспоминаниях я вроде бы перебил людей из Шань И Чэн. Зачем? — нетерпеливо бросил Шэнь Чжи.

— О, — протянул Цинь Цзыцзин, — ученик слышал, что вы украли... — он запнулся, увидев ледяной взгляд наставника, и быстро поправился: — Не украли, а взяли кое-что у Шань И Чэн. Вещь, которая была для них очень важна. А еще... говорят, вы ранили Бессмертного Владыку Сюань Линя...

— Я ранил Сюань Линя? — глаза Шэнь Чжи на мгновение остекленели от растерянности, а затем в них вспыхнул холод. — Понятно...

Вот почему люди из Шань И Чэн называли его бессовестным мерзавцем. Поднять руку на собственного наставника — разве это не верх подлости?

Примечание: у Шэнь Чжи не хватает части души, поэтому некоторые воспоминания отсутствуют, но другие постепенно начнут возвращаться.

«Мастер...» — увидев, что Шэнь Чжи опустил глаза, Цинь Цзыцзин впервые набрался смелости и тихо спросил: — У вас... повреждена память?

Шэнь Чжи поднял голову:

— Просто потерял одну душу и одну часть духа.

— А? — Цинь Цзыцзин вскрикнул от ужаса. — Учитель, это... это не я!

Шэнь Чжи раздраженно ответил:

— Я уже лежал в земле, когда это случилось. Даже если душа потеряна, это произошло при жизни, тебя это не касается.

Цинь Цзыцзин с облегчением выдохнул и осторожно спросил:

— Тогда... кто же это сделал?

— Да какая разница.

Если бы эти слова услышал посторонний, он мог бы решить, что Шэнь Чжи проявил милосердие, не желая мстить за похищение души. Но Цинь Цзыцзин знал: Шэнь Чжи имел в виду «неважно кто, просто убью».

Даже умерев однажды, этот человек не избавился от своего высокомерия. Впрочем, у него были на то причины. Имя «Бес-меченосец» он получил после того, как в одиночку за одну ночь перебил сотни злых духов на горе Бучжоу. Тогда он еще не был «прославлен» своей дурной славой. В те времена, когда Шэнь Чжи умер, в мире совершенствующихся писали целые трактаты о том, как талантливый Шэнь Дао Хэн превратился в преступника, предавшего учителя. Эту макулатуру, основанную на слухах, до сих пор продавали на рынках по десять монет за штуку. Конечно, любовные похождения Шэнь Чжи пользовались куда большим успехом.

Когда Цинь Цзыцзин скитался с А-Ци по свету, однажды они оказались на грани голодной смерти. Он решился написать историю о «прошлом» Шэнь Чжи и Бессмертного Владыки Сюань Линя и за месяц заработал целых пятьдесят серебряных монет. Но он ничего не выдумал. Неизвестно, помнит ли что-то сам Шэнь Чжи, но Цинь Цзыцзин помнил все до мелочей.

Десять лет назад в секте Сыцзин ходили три загадки:

Первая: действительно ли главная ученица Шуй И Чэн Цзяннань Юй практикует путь безразличия?

Вторая: основатель секты Сыцзин умер или вознесся?

Третья: когда Бессмертный Владыка Сюань Линь и его ученик Шэнь Дао Хэн начали свои отношения?

Весь мир гудел от сплетен об их связи. Сначала все поносили Сюань Линя за то, что он не соблюдает правила приличия и сошелся с собственным учеником. Позже, когда Шэнь Чжи предал секту и ушел на путь тьмы, стрелки перевели на него, утверждая, что это он соблазнил невинного Сюань Линя. Когда эти слухи только поползли, Цинь Цзыцзин еще не был учеником Шэнь Чжи и сам любил подлить масла в огонь, понося своего будущего наставника.

— Цинь Цзыцзин.

Он вздрогнул, услышав голос Шэнь Чжи:

— Да, учитель.

— Как именно ты собирал души?

Цинь Цзыцзин опустил голову и медленно проговорил:

— Учитель, я... я пользовался артефактом демона-личинки, но даосы из Шань И Чэн забрали его.

— Что за артефакт?

— Колокольчик, разрезающий души. Достаточно встряхнуть его несколько раз, чтобы вытянуть душу из тела и поместить в мешок. Не знаю, где эта тварь его раздобыла.

Шэнь Чжи стало любопытно:

— И как ты отдавал души личинке?

— Каждую полночь, в час Крысы, я ходил в древнюю пещеру на горе Яошань и отдавал ему мешок с душами.

Шэнь Чжи молчал, а затем горько усмехнулся. Этот звук заставил Цинь Цзыцзина занервничать. Он поднял взгляд и услышал ленивый голос наставника:

— Цинь Цзыцзин, а ты точно был вынужден это делать?

— Учитель... вы... что это значит? — заикаясь, спросил он.

— Ты говоришь, что отдавал души каждый день. Но когда я встретил Мэн Аня, он сказал, что души, которые он вернул от тебя, покинули тела год назад. Если бы ты каждый день отдавал все души личинке, откуда у тебя взялись бы те, что пробыли вне тела целый год? — Шэнь Чжи закрыл глаза и вздохнул. — Прошло десять лет. Ты действительно изменился. Даже мне посмел солгать.

Его голос становился все холоднее, и Цинь Цзыцзин чувствовал, как по спине бегут мурашки. Он знал характер Шэнь Чжи — тот был безумен, и неизвестно, вылечила ли его смерть. Если он сейчас сойдет с ума, ни он, ни А-Ци не выживут.

Цинь Цзыцзин рухнул на колени, его пот градом лил со лба. Он чувствовал, как взгляд Шэнь Чжи прожигает его насквозь. Он стиснул зубы:

— Учитель, я солгал, но только ради А-Ци! У нее еще есть душа, только вы можете ее спасти!

«Массив Десяти тысяч душ» — это запретное заклинание для быстрого возвышения, где в качестве «глаза» массива нужны сто живых душ.

Шэнь Чжи насторожился:

— Что с ней?

Цинь Цзыцзин выдохнул. Похоже, Шэнь Чжи забыл ее, но чувства к ней не угасли.

— Вы знаете, учитель, мой талант невысок. Я застрял на стадии возведения фундамента. Сначала меня это не волновало, но А-Ци с детства притягивает всякую нечисть. Из-за моей халатности злые духи повредили ее душу. Я искал целителей, и все как один говорили, что помочь может либо «Золотое ядро», которое практикующий должен вырезать из себя как лекарство...

— Ты хочешь использовать этот массив, чтобы самому вырастить Золотое ядро? — медленно спросил Шэнь Чжи.

— Именно! — Цинь Цзыцзин поднял на него глаза, полные слез. — Учитель, я обманул вас, потому что боялся, что вы не согласитесь.

Он до сих пор помнил, как десять лет назад, когда они совершали бесчинства, он случайно убил женщину, и Шэнь Чжи чуть не забил его до смерти бамбуковым прутком. В глазах Цинь Цзыцзина Шэнь Чжи был типичным тираном, которому самому можно все, а вот другим — ничего. Но жаловаться он не смел:

— Когда вы доверили мне А-Ци, я сначала заботился о ней из страха, но за столько лет она стала мне родной сестрой! Все, что я делал — ради нее!

Шэнь Чжи было скучно это слушать, но раз это он поручил ее опеку, он не мог просто пнуть его.

— А что насчет колокольчика?

— Это дала мне личинка. Она была ранена и не могла больше творить зло, поэтому заставила меня...

— А потом?

Цинь Цзыцзин поднял невинные глаза:

— Потом... так как она была смертельно ранена, я убил ее. И забрал колокольчик.

Шэнь Чжи подумал, что Цинь Цзыцзин не такой уж и дурак.

— Теперь, когда его забрали в Шань И Чэн, первый способ отпал. Какой второй?

Цинь Цзыцзин нахмурился:

— Второй способ... практически невыполним.

— Говори.

— Нужно... — он пробормотал, — нужна слезинка Бессмертного Владыки Сюань Линя из секты

Сыцзин.

Шэнь Чжи замолчал.

— Почему именно слезы Инь Линцзюня? — спросил он, не подавая виду.

— Учитель, разве вы не знаете? В народных сказаниях говорят, что его слезы исцеляют души, а волосы и ногти можно использовать как лекарство...

Он говорил очень серьезно, а Шэнь Чжи закипал:

— Это все выдумки! Волосы, ногти — тебе не противно это есть?!

Цинь Цзыцзин смутился:

— ...В книгах так пишут.

Шэнь Чжи усмехнулся:

— Смешно, что даже целители верят в этот бред!

Цинь Цзыцзин опустил голову:

— Я тоже думаю, что это невозможно. И кто заставит высокомерного Владыку плакать... мне даже представить это страшно. Думаю, даже вы, учитель...

Шэнь Чжи, заложив руки за спину, невольно сжал пальцы и прищурился:

— Не смогу? Ты думаешь, я не смогу?

Цинь Цзыцзин задрожал, хотел было покачать головой, но Шэнь Чжи добавил:

— Чего дрожишь? Вставай.

Цинь Цзыцзин с трудом поднялся, потирая ноги и исподтишка наблюдая за Шэнь Чжи. Выражение лица того не менялось. Длинные ресницы опускались на веки, казалось, он глубоко задумался. В такие моменты Цинь Цзыцзин был вынужден признать: лицо учителя — это лучший способ обмана. Пока он молчал, он выглядел как пример праведности, неудивительно, что даже сам Владыка Сюань Линь попался на эту удочку.

<http://bllate.org/book/18833/1833672>